

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
3 July 2015
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 538/2013

**Решение, принятое Комитетом на своей пятьдесят четвертой
сессии (20 апреля – 15 мая 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Хайрулло Турсунов (представлен адвокатом Мутабар Таджибаевой, Международная правозащитная ассоциация «Клуб пламенных сердец»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Казахстан
<i>Дата сообщения:</i>	14 февраля 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	8 мая 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	экстрадиция в Узбекистан
<i>Вопросы существа:</i>	угроза применения пыток по возвращении в страну происхождения
<i>Процедурные вопросы:</i>	отсутствуют
<i>Статьи Конвенции:</i>	статьи 3 и 22

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят четвертая сессия)

относительно

Сообщения № 538/2013*

<i>Представлено:</i>	Хайрулло Турсунов (представлен адвокатом Мутабар Таджибаевой, Международная правозащитная ассоциация «Клуб пламенных сердец»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Казахстан
<i>Дата сообщения:</i>	14 февраля 2013 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 8 мая 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 538/2013, представленной Комитету Хайрулло Турсуновым в соответствии со статьей 22 Конвенции,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителем является Хайрулло Турсунов, гражданин Узбекистана, 1975 года рождения. Заявитель утверждает, что его экстрадиция в Узбекистан была бы нарушением Казахстаном статьи 3 Конвенции. Он представлен адвокатом Мутабар Таджибаевой из Международной правозащитной ассоциации «Клуб пламенных сердец».

1.2 Руководствуясь правилом 114 своих правил процедуры, Комитет 28 февраля 2013 года обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от экстрадиции заявителя в Узбекистан на период рассмотрения его жалобы Комитетом. Несмотря на это, заявитель был экстрадирован в Узбекистан 13 марта 2013 года.

Факты в изложении заявителя

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алесслио Бруни, Сатъяхусун Гупт Дома, Фелис Гаер, Абдулайе Гае, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Георгий Тугуши и Кенин Чжан.

2.1 Заявитель, гражданин Узбекистана, является верным адептом ислама, исповедующим свою религию вне рамок жесткого государственного контроля. После подрыва бомб в шести автомобилях в Ташкенте 16 февраля 1999 года полиция Бешкента задержала всех мужчин-мусульман из кишлака, где проживал заявитель, и подвергла их допросу на предмет их религиозной принадлежности. По утверждению заявителя, слежка и допросы со стороны полиции продолжались до 2004 года. 7 апреля 2004 года сотрудники Службы национальной безопасности арестовали заявителя, избили его и подвергли допросу; они интересовались его религиозным образованием. Месяц спустя ему было предъявлено обвинение в преступном сговоре и связи с Аль-Каидой. 20 октября 2004 года Кашкадарьинский областной суд Узбекистана приговорил его к 12 годам тюремного заключения по обвинению в религиозном экстремизме в сговоре с 18 лицами, которые, по его словам, ему не знакомы. 2 февраля 2005 года он был освобожден по указу о всеобщей амнистии. Однако его продолжал ежедневно посещать участковый, визиты которого прекратились, после того как он обратился с жалобой в Службу национальной безопасности. В марте 2005 года в прокуратуре Бешкента ему было предложено забрать свою жалобу. Заявитель отказался, после чего участковый начал вызывать его каждый месяц и допрашивать по поводу его деятельности и того, какую мечеть он посещает. Это продолжалось до 2009 года. В августе 2009 года перед полицейским участком к заявителю подошли три проститутки. Его незамедлительно арестовали, обвинили в посягательстве на честь женщин и на следующий день приговорили к 10 дням лишения свободы. До освобождения 2 сентября 2009 года сотрудники Службы национальной безопасности избивали и допрашивали его, интересуясь другими приверженцами ислама. 15 сентября 2009 года заявитель бежал из Узбекистана от постоянной травли со стороны властей. Сначала он уехал в Российскую Федерацию, где представитель неправительственной организации (НПО) «Мемориал» посоветовал ему обратиться с ходатайством о предоставлении убежища в отделение Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) в Казахстане. После отъезда заявителя из Узбекистана сотрудники Службы национальной безопасности допросили его жену, интересуясь его местонахождением, после чего она вынуждена была бежать из страны. В ноябре 2009 года она присоединилась к нему в Алматы вместе с тремя несовершеннолетними детьми. В 2012 году ей было предъявлено обвинение в незаконном выезде из Узбекистана.

2.2 По прибытии в Казахстан заявитель в неуказанную дату обратился в УВКБ и Комитет по миграции Казахстана с ходатайством о предоставлении убежища. Заявитель не представил информации о принятом УВКБ по его ходатайству решении, утверждая, что не помнит о нем. В октябре 2010 года Комитет по миграции отклонил его ходатайство. Заявитель не обжаловал это решение, якобы потому, что не знал о наличии такой возможности.

2.3 В постановлении Генеральной прокуратуры Узбекистана от 24 февраля 2012 года заявителю было предъявлено обвинение в совершении в Узбекистане преступлений, предусмотренных шестью статьями Уголовного кодекса, включая терроризм; разжигание межнациональной или межрелигиозной розни; незаконное создание религиозной организации; а также создание религиозной, экстремистской, сепаратистской, фундаменталистской или иной незаконной организации, руководство ею и участие в ее деятельности. Заявитель был объявлен в розыск. В тот же день Каршинским городским судом (Узбекистан) был выдан ордер на его арест. 7 апреля 2012 года он был задержан в Актобе (Казахстан). Письмом от 27 апреля 2012 года узбекская Генеральная прокуратура направила Генеральной прокуратуре Казахстана запрос об экстрадиции заявителя. Срок содержания

заявителя под стражей для целей экстрадиции продлевался 9 апреля, 3 мая, 1 сентября и 25 декабря 2012 года и 18 января 2013 года.

2.4 25 октября 2012 года первый заместитель генерального прокурора Казахстана удовлетворил просьбу Генеральной прокуратуры Узбекистана об экстрадиции на основании Конвенции 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция). Заявитель обжаловал это решение в суде № 2 города Актобе. 25 декабря 2012 года решение об экстрадиции было оставлено этим судом в силе. 3 января 2013 года заявитель обратился в Актюбинский областной суд с апелляционной жалобой, которая 18 января 2013 года была отклонена. В своей апелляции заявитель утверждал, что выдвинутые в его адрес в Узбекистане обвинения были сфабрикованы и что в случае экстрадиции ему грозят пытки. В ходе слушаний в апелляционной палате суда он также утверждал, что разбирательство в суде первой инстанции было несправедливым, поскольку, несмотря на его заявление о том, что он не говорит по-русски, ему не был выделен переводчик. В своих решениях оба суда указали, что анализ законности обвинений, выдвинутых против заявителя в зарубежном государстве, не входит в их компетенцию, и что их роль сводится к оценке того, соответствует ли экстрадиция национальному законодательству и международным обязательствам Казахстана. Кроме того, суды заявили, что поданное заявителем ходатайство о предоставлении убежища было отклонено Комитетом по миграции в 2010 году, и отказались разбираться в его заявлении об угрозе пыток в случае экстрадиции. Касаясь жалобы заявителя о непредоставлении ему переводчика судом первой инстанции, Актюбинский областной суд указал, что, как следует из протокола заседания суда первой инстанции, ни заявитель, ни его адвокат не обратились с просьбой о выделении переводчика, хотя и были поставлены судом в известность об этом праве.

2.5 13 марта 2013 года заявитель был экстрадирован в Узбекистан, несмотря на просьбу Комитета о временных мерах защиты, направленных на приостановление процедуры экстрадиции на период рассмотрения данного дела. 12 апреля 2013 года адвокат заявителя проинформировала Комитет о заключении заявителя в тюрьму в Узбекистане. Она просила Комитет обратиться к властям государства-участника с призывом добиться возвращения заявителя в Казахстан.

Жалоба

3. Подавая сообщение, заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан была бы нарушением статьи 3 Конвенции, поскольку он будет подвергнут пыткам в стране и будет заключен в тюрьму на длительный срок по сфабрикованным обвинениям. Он указывает, что, как хорошо известно, в полицейских изоляторах и пенитенциарных заведениях Узбекистана практикуются пытки, в том числе в отношении подвергнутых экстрадиции просителей убежища, что имело место в отношении 29 граждан Узбекистана, экстрадированных Казахстаном в 2011 году.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

4.1 27 июня 2013 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения, проинформировав Комитет о том, что 3 мая 2012 года суд № 2 города Актобе утвердил решение о помещении заявителя под стражу для целей экстрадиции. 4 мая 2012 года Генеральная прокуратура Узбекистана обратилась к государству-участнику с просьбой экстрадировать заявителя для целей уголовного преследования. 6 октября 2009 года Комитет по миграции отклонил ходатайство заявителя о предоставлении убежища. 12 июня 2012 года УВКБ направило в Генеральную прокуратуру Казахстана вербальную ноту с выражением несогласия с решением Комитета по миграции отклонить ходатайство о

предоставлении убежища по причине процедурных нарушений, имевших место при рассмотрении этого ходатайства заявителя. По утверждению государства-участника, заявитель был проинформирован о его праве обжаловать решение по его ходатайству о предоставлении убежища, но этим правом не воспользовался. 25 октября 2012 года Генеральной прокуратурой было принято решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан. 25 декабря 2012 года суд № 2 города Актобе, а 18 января 2013 года соответственно Актюбинский областной суд рассмотрели вопрос о том, соответствует ли экстрадиция требованиям национального законодательства и международным обязательствам Казахстана. Согласно заявлению государства-участника, УВКБ согласилось с решением об экстрадиции заявителя в Узбекистан. Экстрадиция состоялась 13 марта 2013 года. Принимая во внимание, что апелляция жалоба заявителя по поводу решения о его экстрадиции была рассмотрена всеми имеющимися судебными инстанциями, в силу чего решения приобрели характер окончательных, и что он не обжаловал решение об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища, его дальнейшее пребывание в Казахстане не имело под собой законных оснований и могло поставить под угрозу национальные интересы и безопасность страны.

4.2 Заявитель был экстрадирован в соответствии с положениями Минской конвенции. Кроме того, узбекские власти дали Генеральной прокуратуре Казахстана письменные заверения в том, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по мотивам расы, вероисповедания или гражданства; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; а также что ему будут предоставлены средства защиты, включая помощь адвокатов.

4.3 Государство-участник заявляет об отсутствии процедурных нарушений в связи с делом заявителя, а также об отсутствии оснований для его возвращения в Казахстан.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника относительно существа сообщения

5.1 22 декабря 2013 года адвокат проинформировала Комитет о том, что по экстрадиции в Узбекистан 6 июня 2013 года заявитель был приговорен к 16 годам тюремного заключения по обвинению в терроризме, создании религиозно-экстремистской, сепаратистской и фундаменталистской организации в составе организованной группы, попытке свержения конституционного строя и незаконном выезде из страны. Судебный процесс завершился в три с половиной месяца, что говорит о его несправедливом характере. По словам родственников и адвоката заявителя, под пытками его заставили признаться во вменяемых ему преступлениях, и, предположительно, из-за пыток он не пытался защитить себя в суде. 6 сентября 2013 года Кашкадарьинский областной суд, рассмотрев кассационную жалобу заявителя, оставил решение суда первой инстанции в силе.

5.2 Адвокат сообщила о том, что заявитель содержится в заключении совместно с человеком, больным туберкулезом. Не исключено, что он и сам заразился этой болезнью, но лечение ему не назначено. С момента заключения в тюрьму заявитель дважды подвергался наказанию за нарушение внутреннего распорядка исправительной колонии, вследствие чего он может лишиться возможности попасть под амнистию в будущем, и, кроме того, помещался в карцер¹.

¹ Адвокат поясняет, что в карцере заключенных кормят три раза в день, не разрешая пить или перекусывать в перерывах. Их поднимают в пять часов утра, после чего надзиратели складывают металлические койки, так что заключенные лишены возможности отдохнуть в течение всего дня. В карцере имеется лишь один маленький стул и унитаз; заключенные

5.3 Адвокат вновь подчеркивает, что решение Комитета по миграции об отклонении ходатайства заявителя о предоставлении убежища было необоснованным и противоправным. При рассмотрении ходатайства заявителя об убежище Комитет не уделил надлежащего внимания изложенным в его ходатайстве фактам и аргументам относительно преследований, которым подвергались он и его жена, и пыткам, которые он перенес в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений². Рассматривавшие апелляционную жалобу заявителя по поводу решения об экстрадиции суды страны должны были бы указать на ошибку, допущенную Комитетом при его анализе, и отменить его решение.

5.4 Адвокат указывает на противоречивость утверждений государства-участника относительно позиции УВКБ. По словам государства-участника, УВКБ не согласилось с решением об отклонении ходатайства заявителя о предоставлении убежища, но позднее, как утверждает государство-участник, согласилось с решением о его экстрадиции. Адвокат заявляет, что такая перемена позиции противоречила бы мандату этой организации.

5.5 Касаясь приведенного государством-участником аргумента о том, что решение об экстрадиции было основано на положениях Минской конвенции и соответствовало национальному законодательству и международным обязательствам страны, адвокат утверждает, что государство-участник нарушило свои обязательства, вытекающие из статьи 3 Конвенции, в которой зафиксированы гарантии от невысылки. По мнению адвоката, это положение должно толковаться узко и не может быть заблокировано национальными или региональными нормативными актами, на которые ссылается государство-участник. Нарушение обязательства, допущенное государством-участником, было усугублено неуважением к просьбе Комитета не экстрадировать заявителя, пока его дело находится на рассмотрении³.

5.6 Далее адвокат утверждает, что государство-участник проигнорировало поступившие от НПО и международных организаций просьбы не экстрадировать заявителя. Она ссылается, в частности, на письмо, направленное в январе 2013 года НПО Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности, в котором дело заявителя сравнивается с делом 29 просителей убежища, экстрадированных Казахстаном в Узбекистан в 2011 году. Эта НПО сослалась также на многочисленные доказательства того, что в Узбекистане люди подвергаются пыткам по религиозным мотивам, и настоятельно призвала власти приостановить процедуру экстрадиции.

5.7 Помимо этого адвокат подчеркивает, что и Казахстан, и Узбекистан состоят в Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности, в которых составлены списки организаций и лиц, считающихся террористическими, экстремистскими и сепаратистскими. Эти списки не подлежат пересмотру в судебном порядке, а имена и названия включаются в них произвольно. Она ссылается также на заключительные замечания Комитета по второму и третьему периодическим докладам Узбекистана, в которых Комитет выразил свою обеспокоенность широким применением пыток в полицейских изоляторах и тюрьмах Узбекистана (CAT/C/CR/28/7 и CAT/C/UZB/CO/3).

могут мыть руки только водой из туалета. Их выводят на умывание лишь один раз в день, по утрам. В помещении карцера сыро и холодно, а заключенным не разрешают надевать теплую одежду, даже если на улице очень холодно. Медицинская помощь не оказывается, даже если человек заболел.

² Адвокат ссылается на факты, доведенные до сведения Комитета 14 февраля 2013 года.

³ Адвокат сравнивает экстрадицию заявителя с экстрадицией 29 лиц из Казахстана в Узбекистан в 2011 году вопреки просьбе Комитета о ее приостановлении.

5.8 Адвокат предлагает Комитету вынести заключение о том, что экстрадиция заявителя является нарушением статьи 3 Конвенции, и рекомендовать государству-участнику предоставить заявителю надлежащую компенсацию, обеспечить его возвращение в Казахстан и не допускать подобных нарушений в будущем.

Дополнительная информация, представленная государством-участником

6.1 11 марта 2013 года государство-участник вновь заявило о необоснованности утверждений относительно противоправности экстрадиции заявителя и неправомерности решения об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Национальное законодательство позволяет судам рассматривать иски только по существу дела и не дает им возможности ставить те или иные вопросы по собственной инициативе. Они были не вправе рассматривать решение Комитета по миграции относительно ходатайства заявителя о предоставлении убежища, которое заявитель не обжаловал в соответствующих судах. Принимая во внимание, что решение судов страны об экстрадиции заявителя приобрело статус окончательного, и учитывая ту угрозу, которую он мог представлять для национальной безопасности и интересов Казахстана, он был перемещен в Узбекистан в соответствии с Минской конвенцией.

6.2 Утверждение о том, что экстрадиция была произведена вопреки рекомендациям УВКБ, является ошибочным. 12 июня 2012 года в Генеральную прокуратуру поступила вербальная нота Регионального отделения УВКБ, в которой УВКБ выразило несогласие с решением Комитета по миграции отклонить ходатайство заявителя о предоставлении убежища и рекомендовало предоставить ему международную защиту. Однако в вербальной ноте от 10 октября 2012 года Региональное отделение УВКБ проинформировало Генеральную прокуратуру о том, что оно оставляет решение об экстрадиции заявителя на усмотрение государства-участника.

6.3 Получив вербальную ноту от УВКБ, государство-участник обратилось к узбекским властям с просьбой гарантировать, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по мотивам расы, вероисповедания или гражданства; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; а также что ему будут предоставлены средства защиты, включая помощь адвокатов. Указанные гарантии были получены, и у государства-участника нет оснований сомневаться в них. Руководствуясь Минской конвенцией, государство-участник также просило представить ему материалы, касающиеся уголовного дела заявителя и его результатов. На основании этих документов власти государства-участника пришли к выводу о том, что заявитель был осужден за преступления, указанные в запросе об экстрадиции, и что приговор соответствует тяжести совершенных преступлений и не направлен на то, чтобы подвергнуть заявителя репрессиям, пыткам или бесчеловечному обращению.

6.4 Решение об экстрадиции заявителя было принято в соответствии с национальными и международными правовыми нормами, и оснований для возвращения его из Узбекистана не имеется.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

Невыполнение государством-участником обязательства о сотрудничестве и просьбы Комитета о принятии временных мер в соответствии с правилом 114 его правил процедуры

7.1 Комитет отмечает, что принятие временных мер во исполнение правила 114 правил процедуры в соответствии со статьей 22 Конвенции имеет важнейшее

значение с точки зрения той роли, которая возложена на Комитет на основании этой статьи. Несоблюдение этого положения, в частности, в результате совершения такого непоправимого действия, как экстрадиция предполагаемой жертвы, ставит под угрозу провозглашенные в Конвенции права⁴.

7.2 Комитет отмечает, что любое государство-участник, сделавшее заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции, признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, считающих себя жертвами нарушения положений Конвенции. Сделав это заявление, государства-участники тем самым обязуются добросовестно сотрудничать с Комитетом, обеспечивая ему возможность рассматривать представленные ему жалобы, и после их рассмотрения направлять свои замечания государству-участнику и заявителю. Не выполнив просьбу о временных мерах, переданную государству-участнику 28 февраля 2013 года, оно серьезно нарушило свои обязательства по статье 22 Конвенции, поскольку воспрепятствовало всестороннему рассмотрению Комитетом жалобы на нарушение Конвенции, в результате чего усилия Комитета оказались тщетными, а его заключения ничтожными.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Перед рассмотрением любой жалобы, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым согласно статье 22 Конвенции. Комитет убедился, как это предписывает подпункт а) пункта 5 статьи 22 Конвенции, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по другой процедуре международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет напоминает, что в соответствии с подпунктом b) пункта 5 статьи 22 Конвенции он не рассматривает то или иное сообщение от частного лица, если он не удостоверился в том, что это лицо исчерпало все доступные для него внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник признало, что заявитель исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты. В отсутствие других препятствий в плане приемлемости Комитет признает сообщение приемлемым.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

9.2 Комитет должен решить, является ли экстрадиция заявителя в Узбекистан нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или возвращать («refouler») лицо в другое государство при наличии существенных оснований считать, что оно окажется под угрозой применения пыток. Комитет принимает решение по этому вопросу в свете информации, которую власти государства-участника имели или должны были иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции. Последующие события полезны для оценки информации, которую государство-участник фактически имело или должно было иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции.

9.3 При оценке того, была ли экстрадиция заявителя в Узбекистан нарушением обязательств государства-участника по статье 3 Конвенции, Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая наличие практики систематических, грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Комитет вновь отмечает, что существование практики грубых, вопиющих или

⁴ См. сообщение № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*, решение о приемлемости, принятое 15 ноября 2011 года, пункты 10.1 и 10.2.

массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для решения о наличии для данного конкретного лица угрозы пыток по возвращении в эту страну; для вывода о существовании именно для данного конкретного лица угрозы подвергнуться пыткам необходимы дополнительные основания. При этом отсутствие практики систематических вопиющих нарушений прав человека не означает, что данное конкретное лицо не может подвергнуться пыткам в его конкретном случае.

9.4 Комитет напоминает, что, как было им отмечено в его замечании общего порядка № 1 (1996) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска следует исходить не из критерия «высокой степени вероятности», а из степени его реальности лично для заявителя (пункт 6). В этой связи в своих предыдущих решениях Комитет указывал, что опасность применения пыток должна быть предсказуемой, реальной и личной.

9.5 Комитет отмечает утверждение адвоката о том, что пытки и жестокое обращение, особенно в отношении экстрадированных просителей убежища, по всей видимости, применяются в Узбекистане систематически. Он отмечает далее подробно изложенные утверждения о том, что в прошлом, до отъезда в Казахстан, заявитель подвергался преследованиям по религиозным мотивам и жестокому обращению со стороны узбекских властей. Он также принимает к сведению тот аргумент защитника, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по итогам которого было принято решение о высылке заявителя, не являлось справедливым, поскольку заявителю не были обеспечены услуги переводчика; что суды не рассмотрели по существу утверждений заявителя о том, что в случае экстрадиции ему грозят пытки, и не рассмотрели в порядке судебного надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Он далее отмечает утверждения государства-участника, будто заявитель и его адвокат были поставлены в известность о праве просить об услугах переводчика, но не сделали это; что УВКБ, поначалу не согласившись с решением по итогам рассмотрения ходатайства, позднее оставило за государством-участником право принять решение по вопросу об экстрадиции заявителя. Помимо этого, государство-участник выразило то мнение, что процедура экстрадиции соответствовала и внутренним, и международным нормам, и что суды, рассматривавшие апелляционные жалобы заявителя по поводу решения об экстрадиции, не правомочны рассматривать в порядке надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства об убежище. Комитет надлежащим образом принимает во внимание заявление государства-участника о полученных от узбекских властей заверениях в том, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по соображениям расы, вероисповедания, гражданства или политических взглядов; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он также отмечает представленную адвокатом информацию о том, что после экстрадиции в Узбекистан заявитель был приговорен там к 16 годам тюремного заключения, при том что в ходе уголовного следствия он, предположительно, подвергался давлению и жестокому обращению, что стало причиной вынужденного признания заявителем вины за преступления и его молчания в ходе судебных слушаний. И наконец, Комитет отмечает тот аргумент государства-участника, что существо уголовного дела согласуется с обвинениями против заявителя, указанными в запросе об экстрадиции, и что вынесенный приговор не ставил целью подвергнуть его репрессиям или пыткам.

9.6 Что касается существования практики систематических, грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, то Комитет ссылается на свои заключи-

тельные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана, в которых он выразил свою озабоченность в связи с многочисленными, непрекращающимися и согласующимися друг с другом утверждениями о систематическом применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания со стороны сотрудников правоохранительных и следственных органов либо при их подстрекательстве или с их ведома, а также в связи с тем, что лица, пытавшиеся найти убежище за границей и возвращенные в страну, содержатся в заключении в неизвестных местах и, возможно, подвергаются актам, представляющим собой нарушение Конвенции (см. CAT/C/UZB/CO/3, пункты 6 и 9).

9.7 Комитет отмечает, что заявитель, по имеющимся сообщениям, исповедует свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Он также отмечает, что заявитель был экстрадирован по запросу Узбекистана, в котором содержались обвинения в тяжких преступлениях, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что он может представлять угрозу его интересам и безопасности. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Казахстана обеспокоенность в связи с принудительным возвращением людей в Узбекистан по сообщениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, а также в связи с отсутствием информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении (см. CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15). Он также отмечает, что принцип невысылки, закрепленный в статье 3 Конвенции, носит абсолютный характер и что возможная угроза безопасности не освобождает государство-участник от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать («refouler») лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток⁵.

9.8 С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как исходя из его собственных заключительных замечаний, так и в свете представленной ему в данном случае информации существование в Узбекистане практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и серьезной угрозы применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов, является в достаточной мере доказанным. В этой связи он отмечает утверждения заявителя о том, что до отъезда в Казахстан он был объектом преследований по религиозным мотивам, включая помещение под стражу и пытки.

9.9 Комитет напоминает, что, руководствуясь своим замечанием общего порядка № 1, он будет в значительной степени опираться на заключения, к которым приходят органы соответствующего государства-участника, но что при этом Комитет не связан такими заключениями и в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу⁶. В данном случае Комитет отмечает, что заявитель, который ранее подвергался преследованиям в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений и был обвинен в создании в стране экстремистской организации и терроризме и экстрадирован государством-участником на основа-

⁵ См., *mutatis mutandis*, сообщения № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*; № 39/1996, *Паес против Швеции*, Соображения, принятые 28 апреля 1997 года; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Соображения, принятые 10 ноября 1998 года, пункт 5.6; и № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, решение, принятое 16 ноября 2007 года.

⁶ См. замечание общего порядка № 1, и в частности сообщение № 356/2008 по делу *Н.С. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 года.

нии этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировал наличие для него предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В этих условиях суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проанализировать вероятность применения пыток в отношении заявителя, руководствуясь положениями как национального законодательства (пункт 5 статьи 532 Уголовно-процессуального кодекса), так и международными нормами (например, статья 3 Конвенции). Поэтому Комитет приходит к заключению о том, что власти государства-участника не выполнили своего долга провести индивидуальную оценку риска перед возвращением заявителя в Узбекистан. Соответственно, Комитет приходит к заключению о том, что экстрадиция государством-участником заявителя в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции.

9.10 Касаясь дипломатических заверений, полученных государством-участником от узбекских властей в качестве достаточной защиты от этой явной угрозы, Комитет напоминает, что такие заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа невысылки. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, ведет ли оно мониторинг в той или иной форме в период после выдворения и предпринимает ли оно какие-либо меры, призванные обеспечить объективность, беспристрастность и достаточную убедительность этого мониторинга.

10. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции.

11. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник выправить положение, в котором находится заявитель, в том числе посредством организации регулярных посещений и эффективного мониторинга в качестве гарантии того, что он не подвергается обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Кроме того, заявитель имеет право на надлежащую компенсацию. Комитет хотел бы получить в 90-дневный срок информацию о мерах, принятых государством-участником в порядке реакции на настоящие соображения.

Добавление

[Оригинал: английский]

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Алессіо Бруни

1. В пункте 10 решения Комитета по данному делу указано: «Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции».

2. На мой взгляд, обстоятельства данного дела лучше отражала бы формулировка решения в следующей редакции:

«Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 3 Конвенции.

Помимо этого, Комитет желает напомнить о том, что 28 февраля 2013 года он, руководствуясь правилом 114 своих правил процедуры, просил государство-участник не экстрадировать заявителя в Казахстан в течение срока рассмотрения его сообщения Комитетом. Тем не менее 13 марта 2013 года заявитель был экстрадирован в Узбекистан.

Невыполнение государством-участником просьбы Комитета нанесло серьезный ущерб эффективности проведенного Комитетом разбирательства по рассматриваемому делу и породило серьезные сомнения относительно готовности государства-участника добросовестно выполнять статью 22 Конвенции».

3. На мой взгляд, Комитету следует в любом случае заранее проинформировать государство-участник о том, что, если оно не выполнит просьбу Комитета о принятии временных мер защиты, Комитет может признать его отказ нарушением статьи 22 Конвенции. Государство-участник не может быть признано ответственным за нарушение Конвенции, если оно не было проинформировано о соображениях Комитета относительно вытекающих для государства-участника последствий несоблюдения одного из правил процедуры Комитета.